ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
HARLEQUIN
Анна Клири
ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

Анна Клири
Три счастливых дня

OCR & SpellCheck: Larisa_F
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239712
Три счастливых дня: Радуга; Москва; 2009
ISBN 978-5-05-007027-2

Аннотация

В течение одного дня полностью меняется судьба начинающей журналистки Кэт Саммерфилд. По воле газетного магната Томаса Рассела ее незатейливая размеренная жизнь становится предметом репортерских измышлений и финансовых махинаций…

Содержание

ПРОЛОГ 4
ГЛАВА ПЕРВАЯ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ 12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Анна Клири
Три счастливых дня

ПРОЛОГ

Том Рассел стоял над отцовской могилой. Взгляд его был обращен к холмистым пастбищам, свежим, ароматным, местами перегороженным крашеным штакетником. Травы, высотой с ограду, буйствовали и зеленили все кругом, кроме тех мест, которые фермеры уже превратили в плоское коричневое жнивье, пахнущее подгнившей соломой и землей.

Обособленный ручеек, кормившийся большой рекой, низвергался крошечным водопадом, задорно журча и озорно бултыхаясь между изумрудными кромками и галечной тропкой. Берег был покрыт ивняком, опрокинувшим ветки в воду, опекая берега тенистыми ветвями. Синева и зелень переливались и сияли золотистыми искрами.

Земля лошадей. Родина династии газетных магнатов Расселов. Теперь это все принадлежит ему.

Если он сумеет все это удержать.

Том извлек изрядно помятый лист из кармана джинсовых брюк и небрежено распрямил его. Беглый взгляд, брошенный на знакомый почерк, в который раз заставил его вздрогнуть.

Хотя Том знал письмо назубок, он снова почувствовал, как паутина слов затягивает его.

Сынок!

Теперь тебе известно все, что я сделал. Рассчитываю на твое понимание, мальчик, это ради тебя в не меньшей степени, чем ради целей благотворительности. Знаю, что человеку иногда нужно претерпеть сильнейшее потрясение, чтобы суметь оценить вещи, действительно важные. Смирись, больших денег уже нет. Но ты, сын, настоящий профессионал и без средств на достойную жизнь никогда не останешься. Ты сердцем в своей работе, как и твой старик. И ты сумеешь возродить корпорацию «Рассел» в том виде, в каком посчитаешь нужным.

Том, когда я потерял женщину, которую считал единственной, то не только понял, что такое истинное горе для человека, но также и то, что есть лучший и, пожалуй, единственный стоящий путь жить дальше. Тогда я и узнал другую женщину.

Я хочу, чтобы ты мыслил в том же ключе.

У тебя все еще есть доля акций, пусть не большая, но собственность. Теперь тебе осталось найти себя, найти вторую свою половину, и пусть это будет девушка, которой безразлично, есть ли что у тебя за душой…

Читать дальше не имело смысла. Том вновь скомкал письмо и сунул в карман. Сентиментальные общие слова. Отцовское решение для Тома не годилось. Немыслимым казалось уже само желание заменить Сандру кем бы то ни было. Но корпорацию он себе вернет, и эта цель стоила того, чтобы в ней сосредоточились все его упования. Репутация есть, финансистский дар тоже. Том не погнушается продать свои способности тому, кто предложит высшую цену. Только бы не упустить время…

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Маркус Рассел умер. Том – его блистательный, отчаянный, самонадеянный и бесконечно несчастный сын, его преемник и наследник – должен был встать во главе империи.

В пятницу утром состоялась заупокойная служба в узком кругу родных. Старый магнат был погребен под эвкалиптовым деревом в долине Хантер, о чем колокола кафедрального собора известили сиднейский порт. Умер всеми уважаемый горожанин и активный общественный деятель, удачливый бизнесмен, столп общества… На полдень была намечена официальная церемония в главном соборе города, на которой люди, знавшие покойного, могли почтить его память.

В гардеробной комнате своего номера в отеле Том Рассел критически инспектировал свое отражение. Темно-серый костюм сидел как влитой, подчеркивал атлетизм молодого тела, приобретенный благодаря регулярному посещению фитнес-клубов. Костюм дополняли черная рубашка из лучшего итальянского полотна, жемчужно-белый галстук и туфли ручной работы… Все самое лучшее из того, что можно купить за деньги, за очень большие деньги.

Кровь пульсировала у Тома в висках, однако ясное лицо не выдавало его внутреннего состояния, а упрямые глаза цвета стали и характерный изгиб губ выражали едкую усмешку. Тверд как скала. Именно такое впечатление стремился производить Томас Рассел, даже если жизнь его становилась подобием ночного кошмара.

Том откинул со лба прядь черных волос и удовлетворенно кивнул своему зеркальному отражению. Глядя на себя теперь, он сам поверил, что у него все получится.

Он глухо хлопнул ладошами и нервно их растер, словно в нетерпеливом ожидании финальной схватки сражения.

Из-за конторки отдела новостей «Сидней Клэрион» Кэт Саммерфилд могла видеть красивую яхту Расселов с приспущенными флагами, отшвартовавшуюся от причала Сиднейского порта.

– Только посмотрите на это, – сердито проговорила Кэт, враждебно сузив зеленые глаза. – На ее месячное содержание уходит больше денег, чем на годовое пропитание любой африканской деревни.

Великолепное судно ловило ветер белоснежными полотнищами парусов и стремительно отдалялось от причала.

Сообщалось, что Том Рассел переоборудовал роскошную яхту в плавучий госпиталь, так что попутный ветер и мирное море вполне могли убаюкать отлетевшую душу старого магната до Судного дня.

Но Кэт не верила в такие демонстративные акты богатых филантропов. Вероятно, по той причине, что ни одно их благое деяние не улучшило положение ее милой бабушки, которая доживала жизнь в доме для престарелых с поэтическим названием «Осенняя листва», где в ее распоряжении из всех земных радостей оставалась только собственная койка. И персонал заведения, ссылаясь на занятость и недостаток финансирования, не сбивался с ног, чтобы удовлетворить простые потребности инвалидов, не всегда даже кормя немощных вовремя.

Пациенты, подобные бабушке Кэт, которые стояли в очереди на дорогостоящую операцию на сердце, надеялись в том числе и на помощь своих родственников. И порой родственники помогали всем, в чем были сильны, навещали по вечерам и сами кормили своих стариков принесенной из дому едой.

Кэт хорошо знала эту тихую скорбь, в которой пребывают многие и многие нуждающиеся, доживающие жизнь старики, кого в конце ждет некролог в пару строк в местной

газетенке, подобный тем, что ей приходится слагать для газеты этих упитанных и самодовольных магнатов.

Девушка испытывала какое-то странное удовольствие, раскапывая по архивам все, что касается династии ее работодателей. Возможно, она надеялась обнаружить хоть что-то, что могло бы смягчить ее критицизм в отношении этой фамилии, достигнуть некоего баланса в восприятии их как простых смертных, не более и не менее… Но, как ни прискорбно, ее скромное мнение служащей часто совпадало с обличительными речами самых непримиримых оппонентов Расселов, которые своими яростными высказываниями буквально свежевали всех их вместе и каждого по отдельности.

Мардж, соседка Кэт по столу, называла это «кусачеством», намекая на то, что язвительность для многих превращается из невинного хобби в жизненную необходимость. Кэт же всегда старалась аргументировать свою позицию. Она апеллировала к фактам.

В общем Кэт сказала то, что думала, и, оглянувшись, обнаружила, что в комнате воцарилась тишина и коллеги по новостному цеху повернулись в ее сторону.

Стивен Уилсон, обозреватель светской хроники «Сидней Клэрион» и записной сердцеед, никогда не смотрел на Кэт иначе, как на классическую дурочку-блондинку. Собственно, он и назвал ее вопреки всем протестам Блонди. Харри был их шефом, перед которым она старалась не выказывать своих эмоций вот уже два года. Оба они ошарашенно воззрились на нее, приподнятые брови выражали крайнее изумление, а глубокие складки на переносице – негодование. Кто-то в комнате даже присвистнул, но и те, кто счел возможным пропустить ее комментарий мимо ушей, производили нарочито резкие действия, призванные осудить такую недалекость рядовой сотрудницы.

Кэт растерянно оглядела новостной отдел, поймав на себе несколько насмешливых взглядов, но вскоре все снова вернулись к своим делам. Жужжание коллег перекрывали шум телевизионной трансляции и привычное щелканье подушечками пальцев по клавиатурам. Пронзительно зазвонил телефон на одном из столов.

Воспользовавшись этим, Мардж тихо сказала, склонившись в ее сторону:

– Поздравляю, ты кинула им лакомую косточку. Теперь эти двое не успокоятся, пока не обглодают тебя окончательно.

Ропот в отделе новостей стал силиться, но к оплошности Кэт это уже не имело никакого отношения. Все нетерпеливо ждали, когда Харри наконец объявит, кого из членов команды он отрядит для присутствия на официальной панихиде. Многие видели в этом удобный случай показать себя Тому Расселу. За эту миссию разгорелась самая настоящая война.

Кэт ставила на Стива, рассуждая, что он более, чем кто-либо другой, наглядно демонстрирует общий тон и концепцию издания. Барбара, конечно, хоть и выглядела безобидным котеночком, имела очень острые коготки и такой же ум, а по жесткости и обоснованности оценок могла дать фору даже их прославленному политическому обозревателю и интервьюеру Тони. Впрочем, все они – и красавчик Стив, и непредсказуемая Барбара, и тяжеловес Тони, и некоторые другие – с равным успехом могли представить новостной отдел «Сидней Клэрион», но лишь у Стива, как рассуждала Кэт, хватило бы верткости, чтобы настроить в свою пользу Харри.

Сама Кэт к этой элите не относилась. Она работала за зарплату, а не за призрачные перспективы в журналистике. И материалы, которые ей приходилось писать, никогда не попадали на передние полосы издания. Хотя со стороны коллег она пользовалась стабильным и заслуженным уважением.

Кэт знала: чтобы продвинуться, нужно включиться в рьяную борьбу с коррупцией. Присмотреть себе какого-нибудь политика или бизнесмена средней руки и крепко за него взяться, вгрызаться в его подноготную, выискивать компромат, изобретать уничижительные

и хлесткие заголовки, и клеймить, клеймить, клеймить, надеясь, что у бедолаги нет влиятельных покровителей.

Девушка не осуждала своих коллег, взбиравшихся подобным образом по карьерной лестнице «Сидней Клэрион», но не чувствовала себя к этому способной, втайне мечтая, что стажем и профессиональной стабильностью заслужит себе однажды место ведущей какой-нибудь второстепенной колонки. Два года, проведенные за этим столом, еще не давали достаточных оснований отчаяться окончательно.

В эти два года у нее по недоумию даже случился роман со Стивом, который, расставшись с ней, повел себя совершенной свиньей, хотя сам он это очень скоро позабыл, да и Кэт не считала нужным долго помнить такое. Единственное, что она не желала ему простить, – это пренебрежительное отношение к несчастной бабушке, прозябающей в доме для престарелых, и к тому участию в ее судьбе, которое Кэт считала своим долгом. Стива же это тяготило. С тех пор он относился к Кэт как к бесперспективной сотруднице, которая уже достигла своего потолка в «Сидней Клэрион», и только Мардж, вступаясь за нее, повторяла, что Кэт – единственная, кто еще тратит время и силы, чтобы раскопать в людях лучшее.

Однако за два года ее работы в газете никто в редакции так и не узнал, что же на самом деле представляет собой Кэт Саммерфилд.

Она была скрытной, но не столько по своей натуре, сколько из-за постоянных тревожных мыслей о своей маленькой семье, о несчастной бабушке, о которой она не в состоянии должным образом позаботиться, за неимением достаточных финансовых возможностей. Кэт понимала, что эти неотступные мысли стоят непроницаемой стеной между ней и всеми остальными. И людей обеспеченных, людей роскошествующих она невольно причисляла к виновникам собственных переживаний.

Но в последнее время девушка начала испытывать крайнюю неудовлетворенность собой и своим местом в редакции и в жизни в целом. Кэт устала писать о смертях, кончинах и похоронах. Она испытывала огромную потребность написать о чем-то живом, жизненном, пусть даже житейском. И если бы ей выдался шанс сделать это, она бы не раздумывая взялась за интересный материал, да хоть бы об этом самом тридцатичетырехлетнем Томе Расселе, без сомнения живом, надменном наследнике усопшего магната с жестким и безжалостным подбородком, с теснящей костюмную ткань мускулатурой и со стальным взглядом.

– А могла бы ты на страницах прессы вылить на него все те нечистоты, которые удастся выудить? – словно в унисон ее мыслям, тихо спросила Мардж.

Кэт серьезно посмотрела на коллегу. Такая постановка вопроса заставила ее засомневаться.

Она пошла в журналистику вслед за своей бабушкой. В молодости та работала в одной из ежедневных газет Расселов, пока тогдашний владелец не уволил ее и еще нескольких сотрудников, которые противились превращению респектабельного издания в бульварную газетенку. Бабушка внушила ей ненависть к грязи, даже если эта грязь подавалась под соусом скандальных разоблачений. У бабушки был особый взгляд на жизнь и мироустройство. Она никогда не примыкала к тому, на чем видела печать дьявола.

Но именно потакание постыдным слабостям толпы помогло в ту пору Расселам утвердиться в качестве оплота независимой австралийской прессы, из чего впоследствии возник их особый семейный гонор, выразившийся в нарочитой экстравагантности, дорогостоящих причудах, броских атрибутах успешности.

А сын Маркуса Рассела был лишь заманчивой целью разоблачителей всех мастей, которые делали для конкурирующих изданий то же, что сотрудники «Сидней Клэрион» исполняли по заказу своих учредителей в отношении других светских персонажей.

Кэт знала из досье, что Том Рассел долгое время прожил в Британии и вернулся лишь по смерти отца. Бабушка помнила его еще ребенком, но предпочитала не говорить на эту тему.

– Мне известно о нем не больше прочих, – ответила Кэт своей ироничной коллеге после затянувшихся раздумий. – Ты, в отличие от меня, знаешь, что произошло, пока он был здесь наездом, когда впервые слег его отец.

– Ты о чем? – уточнила Мардж.

– Да о той стратегической войне, которую он начал вести против сети Оливии Уэст.

– Ну да, – усмехнулась Мардж. – Не говоря о той кампании, которую он развернул против нас всех.

– Просто удивительно, как ему удается быть столь удачливым в делах, при его-то неуживчивости, – покачала головой Кэт. – И, можешь себе представить, в архивах мне не удалось собрать на его счет ничего сколько-нибудь значительного, – заговорщическим тоном добавила она. – Помимо одного трагического обстоятельства, о котором все наслышаны… ничего о личной жизни Рассела, ничего о его увлечениях…

– Я так понимаю, под трагическим обстоятельством ты имеешь в виду гибель его жены.

– Да… Она была, кажется, известным ученым.

– Генетик, – подсказала Мардж.

– Должно быть, у них было все серьезно, поэтому он теперь и превратился в отшельника. Обычно парни вроде него путаются с пустышками из шоу-бизнеса и потому легко переживают всяческие разрывы, разводы, расставания. Ученая жена – нетипичный трофей медиамагната.

– То есть ты подозреваешь, что у Тома Рассела есть сердце, которое тяжело переносит гибель жены? – ехидно осведомилась Мардж. – Но, насколько мне известно, они проводили много времени врозь задолго до того, как ее не стало. Если хочешь знать мое мнение, Кэт, такие, как Том Рассел, умеют зализывать раны. Даже если он и не злодей из комиксов, то не слишком далеко от них ушел. Человек, которому есть дело только до собственного удобства. Внешность – это единственное привлекательное, что в нем имеется. И если ты намерена изменить свое мнение по отношению к нему, основываясь на отсутствии сведений о любовных интрижках после гибели его супруги, то это, уверяю тебя, ложный путь. Быть может, он просто решил, что ему никто не нужен. Это ближе к истине, чем твоя гипотеза о разбитом сердце магната, – скептически объявила коллега.

Кэт неопределенно пожала плечами – не соглашаясь, но и не возражая. В жизни бывает всякое. Она никогда не думала, что с легкостью сможет пережить разочарование в любви, пока не порвала со Стивом. Теперь она смотрела на него даже без легкой досады.

– Тебе так хочется найти в этом молодом Расселе хоть что-то достойное симпатии? – спросила Мардж. – Все перед тобой, – указала она на фотографию, – глубоко копать не приходится. Посмотри, красивый богатый холостяк. Что еще тебе нужно?

Кэт нахмурилась. В свои двадцать пять она отчаянно боялась казаться окружающим наивной. Однако обстоятельство затворничества Тома Рассела разожгло в ней некоторый интерес, особенно в контрасте с его отцом, который даже в последние годы жизни неустанно менял молодых актрис и моделей.

Она положила перед собой крупное фото из досье Тома Рассела и принялась сосредоточенно его изучать. Бабуля назвала бы такого колоссом. Выглядел он весьма основательно. Девушку буквально обожгло холодом его взгляда. Сама же она назвала бы лицо Рассела точеным, но, пожалуй, излишне резким. Притом за одну ухмылку его вполне можно было возненавидеть. Но Кэт стоически продолжала исследовать его внешность, надеясь таким образом заглянуть в глубь этого человека, в самое средоточие его затаенных чувств.

– Ну и как? – насмешливо поинтересовалась Мардж.

Кэт вновь пожала плечами.

– Кэт, – шепнула соседке Мардж, потому что в эту самую минуту в огромный общий зал вернулся шеф Харри.

Настал момент, когда каждый узнает, кто выиграл в их сымпровизированном тотализаторе. Стив, Тони, Барбара?

Харри решительно подошел к столу Кэт.

– Мне понравился твой некролог на смерть бедняги Рассела. Отправишься на панихиду от нашего отдела. Но учти: там будут бизнесмены, политики, чиновники и прочие важные люди! Если тебе предоставят слово, говори то, что всем будет приятно услышать, а главное, семье покойного, поскольку его семья – это в первую очередь Том Рассел, наш теперешний владелец. Майк пойдет с тобой. Никаких камер в кафедральном соборе – таково условие.

Кэт поспешно кивнула.

Для всех она была аутсайдером, которому подфартило. Сама бы она не стала забегать вперед, именуя случившееся удачей.

– Да, Кэт, охрана будет бдительна, как никогда. Не забудь свою аккредитацию.

Она робко посмотрела в сторону Стива Уилсона. Его нельзя было назвать довольным. Судя по лицу, он уже вовсю генерировал желчь, которая в свое время непременно прольется на голову растерянной Кэт. И уже по одной этой причине ей нельзя было опростоволоситься.

* * *

Майка она нашла в кафетерии с огромным объективом на груди. Они вышли из здания, где располагалась редакция «Сидней Клэрион».

До начала церемонии оставалась пара часов, поэтому Кэт договорилась встретиться с Майком в урочное время возле кафедрального собора, и отправилась домой переодеться в приличествующий поводу строгий костюм.

Для подобных случаев у нее имелся очень удачный гарнитур, который был с иголочки в день ее восемнадцатилетия, но еще и теперь выглядел отлично. Его фасон очень выгодно подчеркивал ее грудь, что особенно ценилось ею в юности. Гарнитур был черным, и скандинавский оттенок волос девушки отливал солнечным серебром на безупречно скроенных плечах из тонкого черного сукна.

Кэт обожала похоронный лоск. У нее были в запасе исключительные новые туфли смоляного цвета и такая же сумочка. Кэт смотрела в зеркало с упоением. Не отказала себе также и в том, чтобы надеть жемчужные серьги. Как же это было эффектно. Строго, женственно, элегантно…

Она поспешила на встречу в Майком, который уже истосковался с камерой наперевес. При появлении Кэт он прицелился и сделал снимок, чтобы запечатлеть ее великолепие. Они направились к входу в кафедральный собор, где предъявила охране свою аккредитацию.

Во время церемонии молодая журналистка поглядывала на наследника, по лицу которого невозможно было проследить ни его мысли, ни его настроение. Он был почтителен, сдержан и официален. И это все, что можно было о нем сказать.

Кэт должна была выразить наследнику свои соболезнования, что она и сделала в числе последних приглашенных, отметив многочисленность собравшихся и великолепие организации.

– Чего не скажешь о некрологе в «Клэрион», – едко заметил Том Рассел, пожимая ей руку. – Вот уж, действительно, бездари. Читали?

– Читала, – пробормотала она в ответ.

– Какая-то сентиментальная чушь, – заметила женщина, стоявшая рядом с Томом. – Меня смех пробирал, когда я это увидела.

– Я разберусь с этой авторшей, – проговорил Том.

– А я как раз хотела поговорить с тобой об этом…

– Сейчас не время, Ливви, – резко проговорил он, проводив Кэт взглядом, но девушка отошла недалеко, стремясь послушать, о чем они говорят.

– Тогда за ланчем? – с надеждой в голосе спросила та, кого он назвал Ливви.

– Не знаю, у меня много дел, – поспешно произнес Рассел.

– Том, это серьезно. Есть информация о Малколме, которую нам нужно обсудить, – настойчиво проговорила женщина.

– Я думал, ты понимаешь, что на этом этапе необходима секретность, Оливия, – гневно прошипел Том.

Оливия Уэст, догадалась Кэт, поспешно удаляясь, но затем резко свернула за колонну и остановилась. Реплика о секретности запала ей в душу.

– Том, послушай меня, – проговорила Оливия. – Все складывается весьма непросто и рискованно. Мы вот-вот проморгаем лакомую часть компании. Никогда не поверю, что дед был готов так легко упустить ее.

– Ты можешь говорить тише, Лив? – сквозь зубы процедил Рассел, раздраженно ослабив ставший тугим узел исключительно элегантного галстука от Армани.

– Складывается такое впечатление, что кто-то, виновный в утечке информации с твоей стороны, поспособствовал тому, что Малколм заметно активизировался. Думаю, однако, знай Малколм обстановку достоверно, его дьявольский умишко давно бы изыскал способ не просто насолить мне, но и нанести сокрушительный удар по компании. В общем, мне нужна твоя помощь, Том.

– Мне претит, когда смешивают дела семейные и бизнес, Лив, – сухо отпарировал он. – И эти твои склоки с бывшим мужем меня категорически не касаются.

– Теперь касаются, – злорадно усмехнулась Оливия Уэст. – И тебе это не хуже меня известно. Если суд признает требования Малколма обоснованными, а такая вероятность существует, то плохи наши дела.

– Ты уже давно должна была от него отделаться. Его аппетиты растут с течением вашего бракоразводного процесса. Если бы он с самого начала получил то, что требовал, сейчас бы эта проблема не стояла так остро, – выговорил женщине Том.

– К твоему сведению, он с самого начала просил чуть не все, что у меня есть. А теперь еще зарится на часть семейного бизнеса… Это в нем говорит ревность.

– Что? – брезгливо поморщился Том.

– Да, ревность. Малколм изыскивает возможность уязвить тебя. Ему кто-то напел, что мы вместе. Возможно, и развод он считает следствием этого.

– Чушь какая! – возмутился он.

– Так ли это невероятно? – спросила Оливия.

– Но это не так, – сердито проговорил Том.

– А Малколм уверен в обратном, – многозначительно проговорила она. – Я лишь предупреждаю тебя, Томас, что по горячности Малколм способен на многое. Тогда мы оба, и ты и я, будем в убытке.

Том Рассел тяжело вздохнул и, ехидно улыбнувшись, сказал Оливии, которая с замиранием сердца буквально ловила каждое его слово:

– Тогда пусть поторопится и избавит нас обоих от головной боли. Передай ему этот мой дружеский совет.

– Как ты можешь так говорить?! Да и потом, никогда Малколм не слушал, что я ему втолковывала, и теперь не послушает… Постой, Томас. А как он поведет себя, если узнает, что у тебя есть другая женщина? А что? Правда, позволим ему думать, будто это так. Быть

может, он смягчится, умерит свои требования, удовольствуется тем, что я готова ему уступить?

Тому стоило труда, чтобы не разразиться хохотом в темном и узком проходе кафедрального собора.

– Что за бредовые идеи теснятся в твоей головушке, бедная?! – с откровенной издевкой спросил он, доверительно склонившись к ее уху.

– А по-моему, идеальный выход…

– Оливия, забудь. Я не собираюсь делать из своей личной жизни театральную постановку для этого мракобеса.

– С тобой невозможно ни о чем договориться, – с досадой произнесла Оливия. – Я бы на твоем месте просто наняла какую-нибудь девицу, заплатила ей деньги, и она подтвердила бы что угодно…

– Лив, я не хочу это даже обсуждать, – строго пресек собеседницу Том.

– Иногда ради великой цели приходится идти и на компромиссы, – назидательно произнесла она.

– Ты так веришь в то, что причина жадности Малколма в его ревности? – недоверчиво спросил Том.

– Я убеждена в этом. Я слишком хорошо знаю его, – кивнула Оливия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первое впечатление Тома было легким, почти эфемерным. Тонкое полупрозрачное существо, белокурые пушистые волосы, мягкая чувственная кожа, от которой исходил женственный аромат, высокая прельстительная грудь, лебяжья шея…

Отзвучали реквиемы, были произнесены речи, которые мало чем отличались одна от другой, и все вместе говорили о том, что не стало славного австралийца, щедрого благотворителя, человека, способного поступиться своими интересами ради общественных.

С огромным пиететом выслушали выступление сына, который в очередной раз сурово объявил, что его отец никогда «не расточал нажитых сомнительными махинациями доходов, чтобы угождать своим порокам и постыдным слабостям». Он сказал это так, словно действительно у кого-то из присутствующих имелись обоснованные сомнения на этот счет…

Томас слышал, как затруднено дыхание девушки, чувствовал, как грудь теснится, смущаясь столь близкого касания, как напряжены ее члены, захваченные властными объятьями, как пугливо вырывается струйка теплого воздуха из ее полуоткрытого рта, боясь обжечь его кожу порывистым выдохом.

Кэт в очередной раз звучно и поспешно вобрала в себя воздух и вздрогнула, ощущая на своих плечах и спине настойчивое давление его рук.

Он бесцеремонно заглядывал в ее распахнутые зеленые глаза, постигая эту подернутую легким туманом бездонную морскую глубину. Розовый бутончик рта, волнуемый неровным дыханием, безумно волновал его. Необузданным своим воображением Том уже впился зубами в эти влажные губы, он уже тянул из их мякоти сладостный сок, с которым в него перетекала ее сила, ослабевал протест, воцарялась податливость желанной плоти.

Практика подсказывала, что перед ним не столько привлекательная женщина, сколько воплощенный в образе «классической блондинки» агент коварства. Шпионаж и конкурентная борьба шли рука об руку и нередко действовали посредством таких обманчивых и соблазнительных женских форм.

Эти чуть приоткрытые сочные губы, ощутимый трепет гибкого девичьего тела он лишь отчасти принимал как лестный ответ на его мужскую стать, но главным образом как изящный прием женского кокетства.

Он ухмыльнулся:

– И как же так вышло, что мы вот так вот тесно соприкоснулись, милочка? Хотя я, следует признаться, не в обиде.

Кэт лихорадочно старалась придумать приемлемый ответ. Но по ее растерянному взгляду Том прочел отсутствие каких-либо разумных объяснений. Его жесткое лицо и холод стального взгляда не смягчала даже кривая ухмылка, тогда как Кэт просто захлебывалась обилием впечатлений, среди которых был и сандаловый дух его одеколона, и пронзающая острота серых глаз, и властное звучание сочного баритона, и сила неожиданных объятий, в которые она была поймана без шанса улизнуть.

– Да я просто… всего-то… В общем, ничего особенного, я только… – так и не нашлась, что сказать молоденькая составительница некрологов. – Вы позволите мне… Пожалуйста, пустите… Это даже как-то неловко, и вы еще требуете объяснений. Я не в состоянии соображать, когда вы так крепко держите меня, – старалась овладеть ситуацией Кэт.

Его лицо не изменилось ни на йоту. Все та же ухмылка, и хватку он не ослабил, лишь сказал:

– Выбор у вас невелик. Объяснитесь, пока я не задействовал секьюрити.

Рассел скользнул рукой в карман, извлек из него телефон и уже угрожающе принялся жать на кнопки, демонстрируя твердость своего намерения.

– Я пыталась найти дамскую комнату, – прошептала в свое оправдание Кэт и непритворно зарделась, смущенная собственным же интимным признанием.

– И я должен без колебания вам поверить, мисс? – усмехнулся Том.

– Это уж как вы хотите, – дерзко проговорила Кэт, ярко вспыхнув уже не от смущения, а от негодования. – Но не понимаю, что вам мешает поверить мне? Люди порой, да что уж там лукавить, частенько нуждаются в уединении в туалетной комнате. И какие у вас имеются основания, чтобы подозревать меня в злом умысле, отказываясь принять мое объяснение? – гневно спросила журналистка. – А теперь позвольте мне идти… вне зависимости от того, удовлетворены или не удовлетворены вы этим объяснением.

– Не так быстро, милочка, – одним-единственным сдерживающим движением подавил ее порыв дерзости Томас.

Кэт оказалась в еще большем стеснении между исполином и стеной. При всем желании она не могла пошевелиться.

– Не будем играть в невинность и неразумение, златовласка. Я видел достаточно, чтобы сделать вывод. Ты стояла, затаив дыхание, стояла и не двигалась. Не так люди ищут туалет. Но именно так они подглядывают и подслушивают, милочка… Вот только хотелось бы знать, из собственного ли любопытства ты ловила частный разговор, или же тебя кто уполномочил?

– Я не вслушивалась в то, о чем вы шептались. Просто, ненароком очутившись здесь, боялась показаться вам на глаза, ждала, пока вы уйдете. Так и знала, что вы заподозрите меня, если заметите…

– Должно быть, ты считаешь меня идиотом, девочка, – констатировал Рассел.

– Уверяю, те обрывки фраз, что долетали до моего слуха, остались совершенно непонятными для меня и…

– Чушь! – резко оборвал ее мужчина. – Здесь превосходная акустика.

– Послушайте, я здесь впервые, заплутала среди колонн, а когда разобралась, было поздно идти к выходу. Вы беседовали с вашей… с этой дамой и были в явном раздражении, поэтому я не рискнула показываться вам на глаза. Мне очень жаль, что так получилось, но уверяю вас, никакой цели у меня не было. А теперь я бы в самом деле не отказалась бы посетить дамскую комнату… Ну, вы понимаете, о чем я? – замявшись, добавила Кэт.

– Понимаю, что ты отчаянно изворачиваешься, золотце. Как тебя зовут?

– Кэт.

– Кэт, а дальше?

– Саммерфилд, – нехотя пробормотала девушка.

– Саммерфилд, – со значением повторил Том Рассел. – Так вот она какая. Тебе, значит, мой отец обязан этой слащавой эпитафией.

– Босс одобрил, – буркнула блондинка, – он же меня сюда и прислал от имени отдела новостей.

– А ты часом папарацци не подрабатываешь?

– Нет, я работаю только на «Клэрион», – твердо ответила Кэт.

– Так вот, мисс Саммерфилд, если вам не надоело работать на «Клэрион», то в ваших интересах будет забыть обо всем, что вы здесь услышали. Тем более не смейте передавать это кому-либо, фиксировать слова на пленку или бумагу. Потому что, если вдруг, ненароком, кому-то станет известно о содержании сегодняшнего моего разговора, я обвиню в утечке вас, и только вас. Вы все поняли?

– Да, – тихо проговорила она.

– Мне нравится, когда такое ангельское создание говорит «да», говорите «да» почаще. Вам это идет больше всяческих неубедительных в своей нелепости оправданий. Такое роскошное тело всегда должно отвечать «да».

– Да как вы смеете?! – возмутилась обладательница хваленого тела. – Я пришла выразить вам свои соболезнования, а вы оскорбляете меня!

– Не переборщите с гневом, милочка, – лениво присоветовал ей Рассел.

И тут они оба резко повернулись на звук. Со скрипом приоткрылась дверь в глубине собора, и в узком дверном проеме показался силуэт священника.

– Пожалуй, я пойду, – проговорила Кэт.

– Я отпущу вас не ранее, чем решу, что мне с вами делать, – объявил ей Томас Рассел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Он настойчиво удерживал ее возле себя. В этом Кэт почудилось что-то неправдоподобное. Когда они выходили из собора, все озадаченно смотрели на них. Тем более что лицо Томаса вовсе не выглядело игривым, да и Кэт пребывала в оцепенении, не зная, что ее ожидает в ближайшем или отдаленном будущем. Работа в «Сидней Клэрион» – все, что у нее было, чтобы выжить. А зная, что Том Рассел всегда был скор на расправу, она чувствовала себя будто в логове дикого зверя, и неудивительно, что выражение ее лица многим показалось странным.

Люди изучали ее, как микроб под микроскопом. Игнорируя любопытные взгляды публики, Кэт шагала сквозь строй приглашенных вместе с исполином Расселом.

Девушка могла понять интерес этих людей. Она даже прочитывала на лицах посетившую их догадку, однако убежденности ни у кого не было. Почти никому не было известно, кто она такая, да и мало кто из собравшихся мог с уверенностью сказать, что знает, каков этот молодой Рассел. Слухи рождали слухи, не более того.

– Кто твоя подруга, Томас? – надменным тоном спросила его подошедшая элегантная женщина средних лет, которая, как знала по досье Кэт, была одной из бывших супруг Маркуса Рассела. – Представь нас, – буквально потребовала она.

– Ничего такого, что тебе следовало бы знать, – намеренно неучтиво процедил Томас, однако Кэт показалось, что это едкое замечание адресовалось именно ей, а не интересующейся даме.

– Не обращай внимания, дорогуша. У Томаса сегодня тяжелый день, – обратилась женщина уже конкретно к журналистке, доверительно склонившись к ней.

Кэт понимающе покивала, но лицо ее изобразило еще большее напряжение и даже испуг. Она осматривалась, выискивая в скоплении людей своего коллегу с фотокамерой. Попав в переплет, она понимала, что примитивным бегством ей теперь не отделаться.

Не отпуская Кэт от себя, Рассел присоединился к двум сплетницам в дорогущих нарядах – к своей сводной сестре и ее матери, которые смотрели на девушку с нескрываемым любопытством. Кэт чувствовала, что помимо интереса именно к ней, как к персоне, которую насильно удерживает под локоть хмурый наследник, их любопытство возбуждали ее духи, костюм и качество косметики.

Панихида переросла в светскую толкотню. Уже почти никто не поминал о поводе, приведшем их всех сюда.

Томас Рассел властно указал девушке на скамью в некотором отдалении. Кэт послушно села, спрятав под сиденье туфли, которые в сравнении с обувью присутствующих здесь дам представлялись ей нелепым старьем. Она натянула юбку на коленях и положила ладони поверх них. Откинуться на спинку скамьи она уже не могла, и оттого напряжение вынужденно прямой спины стало еще более заметным.

Томасу показалось, что с каждой минутой девушка представляет все больший интерес в глазах любопытствующих. Он неодобрительно посмотрел на нее, но его взгляд скользнул значительно ниже ее лица и шеи, и Кэт не стоило труда догадаться, что именно так привлекло Рассела с весьма выгодной точки обзора. Она нервно стянула лацканы жакета на груди и собралась встать. Но Том небрежно бросил:

– Сиди! Я еще с тобой не разобрался. После чего отвернулся, а Кэт, естественно, осталась на своем месте.

О чем он беседовал с мачехой и сводной сестрой, слышать она не могла. Акустика вне кафедрального собора не способствовала этому, да и разговаривали они на сей раз очень тихо, поскольку явно не были в одиночестве.

Затем Том вернулся к ней и приказным тоном проговорил:

– Идем!

Кэт удивленно вскинула брови.

– Пожалуйста, – процедил он. – Нам нужно поговорить.

После этих слов Кэт посчитала возможным следовать за ним.

Рассел подвел ее к своему лимузину и открыл заднюю дверцу. Кэт очутилась в мягком пространстве салона автомобиля, отгороженного от водительского места звуконепроницаемым стеклом. Тотчас Том оказался возле нее.

– Теперь нам никто не помешает переговорить начистоту, – не смягчившись ни на йоту, проговорил он и внезапно добавил: – У меня есть для тебя деловое предложение.

Кэт вопросительно округлила глаза и нервно облизнула пересохшие губы.

Том некоторое время молча смотрел на нее. А Кэт принялась оглядываться, изучая внутреннее устройство шикарного автомобиля, в котором неожиданно для самой себя оказалась.

– Никогда не видела лимузин изнутри, – объяснила она свой блуждающий взгляд.

– Это автомобиль моего отца, – отозвался Том. – Большинство его любовниц питали слабость к подобным игрушкам.

– Так о чем ты хотел поговорить со мной? – собравшись с духом, спросила Кэт.

– А мы уже говорим, – улыбнувшись, заметил Томас, на которого привычная обстановка подействовала успокаивающе.

– Я просто думала, что о чем-то конкретном… Разве у тебя не запланировано еще какое-нибудь мероприятие для гостей панихиды после церкви?

– Нет, – коротко ответил Том, продолжая оценивающе всматриваться в молоденькую журналистку.

– Никакого неформального сбора за бокалом вина, никакого совместного ужина? – усомнилась Кэт.

– Нет, – прежним тоном повторил он, внимательно отслеживая каждый ее жест, вслушиваясь в каждое ее слово.

– Я только не могу понять, как можно просто так оставить своих гостей, не пожать им на прощание руки, не переброситься парой слов…

– Можно. Они ведь не мои гости, я не обязан развлекать их. Было сказано все, что можно было сказать по этому поводу. Они по доброй воле пришли почтить память моего отца, при этом каждый исходил из своих соображений… А вот тебе я с радостью предложу что-нибудь из бара, чтобы облегчить наше с тобой дальнейшее общение, – сказал Рассел и потянулся к дверце бара. – Коньяк? – спросил он.

Кэт прикусила губу, задумчивость читалась на ее пасмурном лице. У нее не складывалось с алкоголем, который обычно слишком быстро ударял ей в голову. Не ожидая, что возможно и такое предложение, она не знала, как в приличном обществе принято на него реагировать. Поэтому она вздохнула и отрицательно повела головой, не говоря ни слова. По салону распространился аромат ее духов.

Но Том, словно не заметив этого ее молчаливого ответа, все же налил в пузатый бокал привлекательной янтарной влаги и протянул бокал Кэт. Она, так же молча, взяла бокал из рук Рассела, немного погрела в ладонях, подражая движениям богача, и рискнула сделать глоток, при этом сама удивилась, как дорогой коньяк приятно смягчил ее горло, мгновенно разогрев кровь.

– А вот теперь можно и поговорить, – удовлетворенно кивнул Томас Рассел. – Я намерен заключить с тобой некое соглашение, – сообщил он и вновь оценивающе посмотрел на собеседницу.

– Какого рода соглашение? – деловито поинтересовалась Кэт, поставив бокал с коньяком донцем на коленку. – Надеюсь, это не касается моей журналистской деятельности, – строго проговорила она.

Томас широко улыбнулся и насмешливо сказал:

– Твоей журналистской деятельности? Касается. Но я рассчитываю, что наше соглашение будет взаимовыгодным.

– То есть? – спросила Кэт, сделав еще глоток напитка, который показался ей весьма приятным и столь необходимым в сложившейся ситуации.

– Хочешь стать автором большого эксклюзивного первополосного материала? Я тебя им обеспечу за маленькую услугу с твоей стороны, которая тебе ничего не будет стоить.

– И что же это за материал? – с видом прожженного скептика осведомилась молоденькая журналистка, подбираясь к дну пузатого бокала.

– Интервью, фотография, сенсационные откровения – все, что хочешь, – щедро пообещал ей сын газетного магната.

– С какой целью?

– С какой целью? – переспросил он.

– Ну, какой тебе в этом резон? – переиначила свой вопрос Кэт, заметно загоревшись. – И что требуется с моей стороны?

– Соблюдение тобой одного маленького условия… Я хочу, чтобы ты не публиковала это интервью три недели. Если ты дашь мне такую гарантию, получишь свой коронный материал.

– Редактор направил меня сюда, чтобы я предоставила информацию о прошедшей панихиде. Ты же не заставишь меня фальсифицировать факты?

– Не заставлю. Но этические принципы ты соблюсти обязана. А именно: ты не смеешь упоминать о том, что подслушала из моего разговора с членом семьи.

– А я и не собиралась, – пробормотала она.

– Вот и чудесно… Значит, ты ничего не теряешь в связи с нашим соглашением. Более того, ты много приобретешь в связи с ним, поскольку молва о том, что мы – пара, распространится стремительно.

– Я не понимаю, – прошептала Кэт.

– Именно так расценят наш совместный уход все бывшие на этой панихиде.

– Но это неправда! – искренне возмутилась девушка.

– Тем не менее все именно так и станут думать, Кэт, – наставительно заключил Томас. – Мне незачем объяснять тебе, для чего все это нужно. Мой разговор с Оливией ты слышала, в противном случае здесь бы не сидела.

– Но никто не примет это всерьез. Мои друзья все обо мне знают. В редакции так же всем известно, что до сегодняшнего дня мы даже не были знакомы.

– Однако этого не знают остальные люди, читающие газеты и следящие за новостями по телевизору. Конечно, абсолютное большинство моих знакомых не придадут этому значения, но данная мистификация не для них, – взвешенно рассудил Томас. – И не думаю, что это как-то дурно отразится на твоей репутации. Так что тебе нет оснований отказываться от весьма выгодной, на мой взгляд, сделки… Итак, Кэт, что ты скажешь?

– А чего именно ты ждешь от меня? – спросила она.

– Несколько совместных публичных выходов. Сегодняшний обед, например. От тебя требуется вести себя непринужденно. Не более того. Никто ведь не знает, на какой стадии находятся наши с тобой отношения… Или у тебя уже есть перед кем-то обязательства? – догадался-таки поинтересоваться Рассел.

Кэт лишь хмыкнула в ответ, что должно было продемонстрировать ее полное небрежение какими-либо романтическими, тем более любовными, обязательствами, замешанное на крепкой порции обманчиво-легкого коньяка.

В ее смятенном сознании крутились лишь обрывочные мысли о том, как отнесется к этой новости Стив. А бабушка? И если Стива можно этим уязвить, а следовательно, воздать за его пренебрежение, то бабушка не тот человек, кто оценит игру в любовные отношения. Но коньяк смог сгладить все сомнения, внушив Кэт, что вряд ли бабушке станет известно о такой не стоящей беспокойства мелочи, тем более в стенах дома для престарелых, где не водится посетителей из круга магната Рассела и ему подобных.

– Ну так как? У тебя кто-то есть? – поторопил ее с ответом Томас, озадаченный невнятной реакцией девушки.

– Нет… не сейчас, – неуклюже проговорила она.

– Прозвучало неубедительно, – заметил Томас, усмехнувшись.

– У меня нет никого… в том смысле, что…

– Я понял. Это хорошо, – пресек он ее разглагольствования. – Тогда не вижу никаких помех. А ты?

– Я тоже, – согласилась с ним Кэт.

– Означает ли это, что ты принимаешь мое предложение?

– Я думаю, что смогу на это пойти, – уклончиво отозвалась она.

– Мне нужен прямой и четкий ответ: «да» или «нет»! – неожиданно сурово потребовал он.

– Я не уверена…

– В чем именно? – нахмурившись, спросил Рассел.

– Не знаю, как к этому отнесется моя бабушка. Она очень слаба… Или мои коллеги, люди, с которыми мне приходится иметь дело каждый день.

– То есть безвестную Кэт Саммерфилд смущает, что ее станут связывать со мной, Томасом Расселом?! Уж не хочешь ли ты сказать, что стыдишься этого? – энергично возмутился он.

– Не стыжусь, – поспешила развеять его гнев девушка. – Просто не уверена, что из этого может выйти.

– Из этого может выйти отличный газетный материал, который станет началом твоей газетной карьеры. Или ты хочешь оставаться в редакции на третьих ролях и делать материалы, за которые другим просто не интересно браться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.